

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СУБСТАНДАРТ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Е.М. Хакимова

LEXICAL SUBSTANDARD IN THE FUNCTIONAL ASPECT

E.M. Khakimova

Развитие языка было бы невозможно при абсолютном соблюдении стандарта. Его творческое преодоление представлено в сфере современной массовой коммуникации. Автор статьи доказывает, что лексический субстандарт (просторечия, obscene лексика, жаргонизмы), введённый в нормативный контекст, может функционировать как инструмент парадоксального, игрового осмысления действительности, становясь проявлением языковой свободы.

Ключевые слова: языковой субстандарт, языковая игра, просторечие, obscene лексика, жаргонизмы.

The development of a language would be impossible with the absolute complying of standard. The author proves that the vernacular, obscene vocabulary, jargon can be an instrument of language games. The reasoned use of lexical substandard language is a manifestation of freedom.

Keywords: language substandard, language game, colloquialisms, obscene vocabulary, jargon.

Языковой стандарт является обязательным условием существования культуры, поскольку он обеспечивает преемственность, создаёт традицию. Но развитие языка было бы невозможно при абсолютном соблюдении стандарта. Его творческое преодоление должно приводить к усилению выразительности текстов, делая их более привлекательными для получателей сообщения. Именно антиномия стандартного ~ выразительного в языке может рассматриваться как отражение креативных способностей говорящего человека, мера его языковой свободы и несвободы.

Мотивированное нарушение стандарта представлено в сфере современной массовой коммуникации, где субстандартные образования: просторечия, obscene лексика, жаргонизмы – могут вводиться в нормативный контекст. По мнению Т.А. Кудиновой¹, взаимодействие стандарта и субстандарты играет ведущую роль в процессе создания языковых инноваций, лежит в основе парадоксального, игрового осмысления действительности. Наш материал подтверждает приведённое положение.

Творческое использование просторечий

Термин «просторечие» имеет длительную историю и в отечественной лингвистике понимается

неоднозначно. Можно выделить три подхода к его пониманию – одно в диахронии и два в синхронии: 1) в исследованиях по истории русского языка под просторечием понимается живая языковая стихия, противопоставленная как книжно-литературной речи с заметным церковно-славянским компонентом, так и стандартизированному языку древнерусской письменности; 2) в синхронии в качестве нелитературного просторечия рассматриваются территориально не закреплённые особенности речи лиц, не владеющих в необходимой мере литературной нормой; 3) в синхронии же выделяется так называемое литературное просторечие, под которым Ю.С. Сорокин понимает «единую стилистическую группу слов, особых по своим экспрессивным стилистическим признакам (сниженность, резкость, фамильярность и т. п.), но допустимых (и даже охотно привлекаемых) в разных стилях речи и являющихся в различных тесных сочетаниях со словами собственно книжного литературного языка»².

Творческое использование просторечий связано с последней категорией. Именно данный феномен обеспечивает, например, выразительность следующего высказывания Тины Канделаки: «Я была на одном занятии... Там дети пишут записки на бумажках – комплименты. Сначала вы

Хакимова Елена Мухамедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой коммуникации, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

---

Elena M. Khakimova, Candidate of Philology, assistant professor, Department of Mass Communication, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: khakimova-elena@yandex.ru

написали комплимент, я написала, потом бумажки подбрасывают в воздух. И вы получаете какую-то. Но что бы в вас ни кинули, вы получаете положительную энергию, потому что все написали комплименты. А если сейчас я напишу какашку, вы напишете какашку, то мы все получим какашку в любом случае. Я работаю над собой, я не хочу получать какашки». Употреблённое автором просторечное слово становится основой рискованной метафоры, которая привлекает внимание журналиста и получает развитие в следующем диалоге: «Ксения Собчак не боится получить в ответ какашку? – Ксения Собчак готова получить какашку и на неё ответить. Вот в чём прелесть Ксении Собчак. Мы, представители гламура, уже давно ни в кого ничем кидаться не хотим. Но если уж получили такое «письмо счастья», то уж, поверьте, сможем ответить на него двадцатичетырёхстрочной телеграммой...» (Русский репортёр. 2008. 6–13 ноября). Многократность использования стилистически сниженной лексемы *какашка* в тексте интервью свидетельствует о том, что отправителями сообщения она употребляется вполне осознанно. Следует, однако, отметить, что не все получатели сообщения оценивают данный приём как удачный. В частности, опрос студентов Южно-Уральского государственного университета показал, что некоторых носителей языка шокирует вульгарность и грубость данного слова, совершенно неуместная, по их мнению, в публичном дискурсе.

Значимо, что не всегда натуралистичность просторечия производит на адресата негативное впечатление. Так, вполне приемлемым, с точки зрения наших информантов, является игровое употребление просторечного слова *ложить* в «Новых правилах чисто для русского языка» Р. Кривицкого (Красная бурда. 2000. № 1). Адресат с удовольствием включается в языковую игру, которая обеспечивается актуализацией многозначности лексемы *ложить* и включением её в строго нормативный контекст, стилизованный под научную речь. Комический эффект усилен тем, что игра захватывает не только языковую норму, но и норму жанровую, поскольку автор пародирует правила, представленные в современных ортологических кодексах: «В русском языке наряду с глаголом „класть“ существует глагол „ложить“, употребление которого ограничено исключительно областью применения. Если какой-н. один неодушевлённый предмет кладётся на другой неодушевлённый предмет, то он действительно кладётся, а если другой предмет одушевлённый, то на него просто ложится (или забивается). Пример:

*Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Гордо ложит буревестник
На гагар и на пингинов.*

М. Горький „Песня о Соколе“

Примечание

Некоторые преподаватели русского языка утверждают, что в русском языке глагола „ложить“ нет вообще, а есть только глагол „класть“, поскольку от него может быть образовано существительное „кладка“. Однако и от глагола „ложить“ можно образовать существительное „ложка“.

Исключением является больница, где встречаются как одушевлённые предметы, так и уже неодушевлённые. Тем не менее в больницу всегда ложатся, а не кладутся».

Игровое использование обсценной лексики

Обсценная лексика – это грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию³. Обсценности присутствуют в каждом языке, их основу составляют несколько общеизвестных корней, «в которых сконцентрирована основная „идея“ мата... и перед которыми отступают все академические словари»⁴. Количественная ограниченность обсценных корней в каждой национальной культуре не случайна: это древнейший пласт лексического слоя, нарушающий социальные табу, которые сформировались под воздействием веры в магическую силу языка. Вместе с тем возможности образования производных от этих нескольких корней практически безграничны. К многочисленным дериватам примыкают эвфемизмы, широко используемые носителями языка (*блин, ёлки-палки, ё-моё, японка мать* и др.), так что периферия обсценной лексики размыта, границы её условны и обусловлены социальными конвенциями.

Система культурных правил, регулирующих употребление мата, изменяется со временем. В частности, в Советском Союзе в публичной речи обсценные слова были невозможны. Однако в конце 80-х – начале 90-х годов XX века мат стал появляться не только на страницах художественной литературы, но и в средствах массовой информации. Сегодня можно говорить об определённом ограничении на употребление обсценной лексики в газетах и журналах, на телевидении и радио. Это не значит, что мы вернулись к тем правилам, которые существовали в советское время, поскольку мат не исчез из публичной речи совсем, он заменяется на телевидении характерным пискотом, а в печатном тексте точками. Многих носителей русского языка, воспринимающих мат как национальное достояние и предмет гордости, такое положение дел вполне устраивает. Впрочем, терпимое отношение к обсценизмам в настоящее время характерно не только для России, но и для ряда западных стран. В работе Т.А. Кудиновой указывается, что, по данным социологов, число американцев, которых по-прежнему шокирует сквернословие, ничтожно мало по сравнению с числом тех, кто перестал обращать на него внимание. Исследователи связывают это с такими экстралинг-

гвистическими факторами, как утрата прежних идеалов и традиций, кризис семейных устоев, падение авторитетов: «Поколение отчуждённых людей, замкнутых в себе и в то же время тревожных, истеричных, порождает асоциальную агрессивную субкультуру и соответствующий речевой субстандарт»⁵. Разделяя данную точку зрения, мы хотим вместе с тем отметить, что обращение носителей языка к указанной разновидности субстандарта связано ещё и с тем, что апелляция к неприличному, как установил З. Фрейд, является мощным рычагом воздействия на бессознательное начало психики, поскольку удовольствие от запретного плода – одна из самых сильных эмоций человека.

Обсценная лексика выполняет множество функций, среди которых есть и полезные: она может придать высказыванию экспрессивность, сократить коммуникативную дистанцию, стать специфическим средством создания комизма. Энергетический потенциал нецензурной лексики значителен, и это, в частности, подтверждают примеры её использования в составе рекламных сообщений. Самым показательным в данном отношении является опыт сети салонов сотовой связи «Евросеть», известность которой обеспечил провокационный слоган: «„Евросеть“, „Евросеть“ – цены просто о...ть!». Евгений Чичваркин, один из создателей компании, в интервью отмечал, что он лично исправил какой-то эвфемизм – «кажется, „ошизеть“» – на более жесткий вариант. Эпатажный ход оказался очень удачным в коммерческом отношении: «Продажи были сумасшедшие. Я не знаю, что сейчас нужно сделать, чтобы был такой же эффект». Успех бизнесмен объяснил тем, что экстравагантный приём позволил компании создать «русский имидж»: «Русский в том смысле, что немного рущащий рамки, барберь». Такие экстремальные решения Е. Чичваркин считает вполне приемлемыми, поскольку, по его мнению, в коммерции этично всё, за что люди голосуют своими деньгами⁶. То же радикальное средство он использовал в ходе реализации другого проекта: в 2007 году в СМИ появилось сообщение о том, что «Евросеть» намерена выйти на рынок банковских услуг. В стремлении выделиться в череде банков, «скучных, с невзрачными логотипами», было решено назвать новую структуру «Ебанк». Комментируя указанное сообщение, журналисты писали: «Чичваркин – большой оригинал, и даже в таком серьёзном деле не изменяет принципу show must go on»⁷. Нам представляется, что в подобных случаях имеет место нарушение не языкового стандарта, а культурной конвенции, которая связана со сферой коммуникативной нормативности.

Особого обсуждения заслуживает тема употребления мата в Интернете. М. Кронгауз⁸ в этой связи пишет о том, что при отсутствии официальной цензуры в Интернете в некоторых случаях возникают спонтанные культурные запреты на употребление обсценной лексики, иногда очень

гибкие и корректно сформулированные. В качестве примера исследователь приводит правила, действующие в Живом журнале в книжном сообществе ru_books, публикующем рецензии на книги.

Вместе с тем анализ нашего материала показывает, что во многих интернет-публикациях мат всё-таки присутствует, причём табуированные корни иногда воспроизводятся в печатном тексте полностью. Так, на сайте дизайн-студии Артемия Лебедева представлен документ, в котором руководство компании следующим образом определяет её миссию: «*Наша работа заключается в том, чтобы найти наиболее удобный, простой и красивый способ решения задачи, не потеряв при этом смысл. Мы принципиально не работаем с частными лицами, политическими и религиозными организациями, м...ми*⁹, а также с теми, чьи убеждения противоречат нашим... Мы существуем так, как нам нравится. Мы работаем так, как сами считаем правильным. Мы в гробу видали все корпоративные ценности вместе взятые. Все наградные доски мы вешаем в туалете. У нас аллергия на словосочетания „креативное решение“ и „оптимизация бизнес-процессов“. Клиентам мы редко пишем предложения объёмом больше одной страницы. Это не мешает нам быть самой крупной дизайн-студией в России, иметь самое большое портфолио и совершенно не переживать о том, что в ближайшие десять-двадцать лет кто-то займёт наше место. Во всей работе мы руководствуемся одним-единственным правилом из двух слов: „без х...ни“»¹⁰. Выразительность приведённого фрагмента, по нашему мнению, свидетельствует о высоком уровне речевой компетенции отправителей этого программного сообщения. Совершенно очевидно, что нецензурная лексика употребляется здесь абсолютно осознанно в качестве стилиобразующего средства.

Игровое использование жаргонизмов

Жаргон – разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группы, объединяющих людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста¹¹. От общенародного языка жаргон отличается специфической лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Источники жаргонизмов перечислены в статье С.В. Полозовой¹². Это речь представителей уголовной и полууголовной среды (*разборка, тусовка, беспредел*), профессиональная речь (*фанера, дембель, нал*), речь молодёжи (*фигня, приколы, мобила*).

В настоящее время жаргонизмы не ограничены в своем употреблении указанными социальными группами. Жаргонная лексика активно используется в устно-разговорной разновидности литературного языка и в языке средств массовой информации, выполняя различные функции: 1) депре-

циативную, суть которой заключается в противостоянии официальному языку бюрократической государственной машины; 2) репрезентативную, или функцию символа социальной солидарности в терминологии Э. Сэпира, поскольку жаргон – это пароль всех членов референтной группы; 3) игровую (людическую), обусловленную осознанным нарушением правил речевого общения с целью придания сообщению большей экспрессивной силы. Перечисленные функции связаны между собой, но в конкретных текстах возможно преобладание одной из них. Так, игровая функция, по нашему мнению, доминирует в следующем высказывании: «Губернатор Воронежской области заявил: „Если огурец опустить в рассол, то его не нужно уговаривать – он сам станет солёным. Наша задача создать такой рассол. И все бизнесмены будут хорошими солёными огурцами“. А за правильный рассол эти „огурцы“ ещё и „капусты“ чиновникам нарубят» (Комсомольская правда. 2010. 25 февраля – 4 марта). Эксплуатируя образ, представленный в цитате, журналист в комментарии обыгрывает субстандартные значения слова *капуста*: 1) доллары, 2) деньги. Указанные значения возникли в криминальном жаргоне, но получили широкую известность, поэтому могут без пояснений использоваться в текстах массовой коммуникации. Интересно, что если текст является креолизованным, то есть включает в свой состав знаки разной природы, слово *капуста* может дублироваться визуальным знаком. Именно такой прием используется в современной рекламе, где смысловая нагрузка распределяется между двумя составляющими – вербальным и невербальным рядами. В качестве примера приведём игру с кодами в рекламе Национального банка «Траст» (рис. 1).

Рис. 1. Актуализация жаргонных значений в рекламном тексте

Реализация игровой функции определяет употребление студенческого сленга и жаргона геймеров в одном из номеров газеты «Реакция. Реальность в ощущениях», ориентированной на молодёжную аудиторию. Спецвыпуск издания (2006, № 58), адресованный первокурсникам, стилизован под руководство к компьютерной игре. Мир высшего образования представлен здесь как реальный и виртуальный одновременно, и предлагаемый вниманию читателя номер – это своего рода мануал, устанавливающий игровые правила. В соответствии с заявленным жанром авторы вводят игровой глоссарий: в номере приводятся определения слов *автомат*, *академ*, *лаба*, *общага*, *стипуха* и других жаргонизмов, бытующих в студенческой среде. Подобные лексемы употребляются и в связных текстах. Например, в рубрике «Магия на каждый день» представлен материал «Библиотека заклинаний», в котором значения жаргонных слов объясняются не только посредством дефиниций, но и путём актуализации синонимических связей: «Собственно заклинание „Шпаргалка“ („шпора“, „лента“, „резинка“, „списуха“, „книжка“, „рулетка“) – написанная от руки на бумаге или иным способом или на других носителях. Для скрытности изготавливается в размерах, приближенных к микроскопическим» (выделено нами. – Е.Х.).

Поскольку «Вышка» квалифицируется как компьютерная игра, вполне уместно появление в тексте геймерских жаргонизмов: *артефакт*, игровой предмет, обладающий магическим действием, *бонус*, полезное свойство, дающееся как награда за определённые действия игрока, *кастовать*, произносить, творить заклинание, *квест*, задание, которое выдаётся игроку, *мана*, мистическая энергия или субстанция, используемая для сотворения заклинания, *экспа*, очки опыта, набираемые персонажем и др. Так, в рубрике «Монстры на твоём пути» читаем: «Ректор – представитель категории так называемых **неубиваемых монстров**: **запредельное количество хит-пойнтов** и **чрезвычайно мощный и обширный арсенал** делают его практически неуничтожимым. Любители „соло“ могут тихо покурить в сторонке. Впрочем, его не одолеть даже супермощной партией, сформированной из по самое „не могу“ **раскачанных чаров**. Конечно, бывает, ректоров иногда переизбирают, и у игроков, членствующих в студ-комах, теоретически имеется шанс в этом поучаствовать. Но только теоретически».

Доминирование игровой установки обеспечивает тексту газеты многомерность, возможность одновременного обращения к неоднородной аудитории. Авторы учитывают, что адресатом их сообщения может стать неподготовленный читатель, который получит возможность оценить изящество языковой игры только в том случае, если освоит основы использованного коммуникативного кода. Заботой об адресате, не принадлежащем молодёж-

ной субкультуре, обусловлено включение в текст пояснений: *«По ходу жизни (игры) ты развиваешь (качаешь) персонажа, то есть самого себя, приобретаешь различные предметы, навыки»*. Если бы высказывание предполагало обмен информацией исключительно между «своими», толкование значений выделенных лексем были бы излишним. Вводя подобные элементы, отправители сообщения расширяют круг тех, кто владеет конвенциями, структурирующими данный код. Таким образом преодолевается корпоративная ограниченность, изначально присущая социальному жаргону. Значимость указанного процесса трудно переоценить, поскольку он приводит к формированию так называемого общего жаргона, о возникновении которого языковеды заговорили в 90-е годы XX века. В этот период вследствие интенсивной демократизации языка, приведшей к снятию многих традиционных ограничений, публичное употребление единиц различных жаргонных подсистем приняло массовый характер. Жаргонизмы стали восприниматься как нечто вполне допустимое, объединяясь в особый функционально-стилистический разряд. Термин «общий жаргон» был введён в научный оборот О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розинной. Исследователи определили общий жаргон как совокупность общеизвестных лексических и фразеологических жаргонных единиц, которые утратили такой признак, как корпоративность, и регулярно употребляются в качестве разговорных и просторечных средств сниженной экспрессии¹³.

Осмысливая данный феномен с точки зрения нормативности, Л.П. Крысин приходит к выводу, который, скорее всего, не станет общепринятым: вхождение жаргонных образований в обиход, несомненно, нарушает культурную традицию, но, по-видимому, не нарушает ни языковую норму, ни норму стилистическую, потому что слова общего жаргона, имея стилистическую отмеченность, как правило, употребляются носителями литературного языка в определенных ситуациях, обычно при непринужденном общении в своем кругу¹⁴. Приведенное высказывание позволяет еще раз убедиться в зыбкости критериев лексической нормы, демонстрируя непосредственную зависимость последней от прагматических детерминант. Разделяя взгляды Л.П. Крысина, мы хотели бы подчеркнуть особую значимость для данной сферы соблюдения принципа соразмерности и сообразности. Только умеренное употребление маргинальных языковых средств позволяет современному человеку проявить свои креативные способности, расширяя границы языкового стандарта в пользу речевой выразительности.

Рассматривая проблему креативного использования жаргонизмов в условиях информационного общества, нельзя обойти вниманием такой феномен, как «язык падонкафф» («олбанский язык»). Он интересен тем, что представляет собой языко-

вую игру в чистом виде. «Язык падонкафф» появился в начале 90-х годов, пик его популярности связан с деятельностью сайта udaff.com. О масштабности данного языкового явления можно судить уже по тому факту, что официальный портал общающихся на нём ежедневно посещало свыше 50 000 человек. Целевая аудитория сайта – офис-менеджеры и студенты, для которых подобный способ общения – развлечение, возможность отойти от привычных моделей речевого поведения. В центре внимания «падонкофф» оказалась русская орфография: игроки изменяют написание общеупотребительных слов, используя приёмы гипертрофированной фонографичности (*«несиу как слышу»*) и орфографической гиперкорректности (*«баюсь ашибицца»*). Но если бы речь шла только о правописании, рассматриваемое средство общения нельзя было бы квалифицировать как жаргон. Значимо, что существует специфической «олбанская» лексика, отражённая в словарях «языка падонкафф»¹⁵. Она включает в себя:

1) слова, созданные в рамках жаргона на базе общеупотребительных словообразовательных моделей: *гидроколбаса* ,вода из-под крана для заправки крепкого спиртного (водки, самогона)‘;

2) переоформленные общеупотребительные слова: *каммент* ,комментарий‘;

3) переосмысленные общеупотребительные слова: *зачот* ,текст (креатиф) комментатором засчитан как удачный‘;

4) заимствования: *риспект* ,выражение уважения, например, за понравившийся креатиф‘.

«Олбанский язык» имеет также собственную фразеологию – *аффттар жжот; аффттар, выпей йаду; пеши исчо; учи олбанский* и др. Интересно, что в некоторых случаях составители словарей не только определяют значения «олбанских» слов и фразеологических оборотов, но и приводят сведения об их происхождении, создавая и транслируя таким образом металингвистические легенды. В них в качестве источника «олбанизмов» указываются:

1) художественное творчество российских авторов: *«Особую известность получила падонковская фраза „Ф Бабруйск, животнае!“. Наиболее вероятная версия происхождения этой фразы – творчество контр-культурного писателя Владимира Сорокина...»*¹⁶;

2) анекдоты: *«Баян (также байан или бойан) – уже упоминавшаяся несвежая шутка или сообщение (произошло от старого анекдота („хоронили тёщу, порвали два баяна“) и небывалого всплеска остроумия на эту тему на сайте anekdot.ru, и не только на нём)»*¹⁷;

3) кинофильмы: *«Бугага! (син.: гыгыгы, гзгзгз) копирование смеха одного из героев кинофильма „Гусарская баллада“»*¹⁸;

4) интернет-дискурс: *«Мандатр – слово порождённое фантазией одной девицы, которая доставала модератора одного из чатов с прось-*

бой рассказать ей, как можно людей из чатов удалять. Беседа была долгой и продуктивной, над логом её поржало немало народа, но в тот момент, когда девушке объяснили (как все думали), что удалять из чата могут только модераторы, слово ей показалось явно длинным и пытаясь узнать, кто это такие, она его укоротила. Был рождён первый на земле МАНДАТР!»¹⁹.

Популярность «языка падонкафф» обусловлена тем, что он предоставляет возможность грамотному человеку на время выйти из своей серьёзной социальной роли, надев смеховую маску двоечника. Потребность в карнавальном перевоплощении у современной аудитории очень сильна, но, несмотря на это, некоторые лингвисты оценивают перспективы существования «языка падонкафф» скептически. Так, Т.А. Распопова²⁰ пишет, что ему суждена недолгая жизнь, потому что он не обогащает общенародный язык, не вносит в его систему новых смыслов, оставаясь всего лишь ярким, выразительным средством идентификации с определённой социокультурной средой. М. Кронгауз менее категоричен в своих прогнозах: «Мне кажется, что особых перспектив развития у этой лингвистической игры нет, уже сейчас набор выражений застыл, и новые появляются достаточно редко. С другой стороны, нет оснований считать, что все эти слова вот-вот исчезнут. Речевые клише могут существовать очень долго, хотя... теряют большую часть своей энергии»²¹.

Нам представляется, что к решению вопроса о судьбе данного социолекта, воспринимаемого как дополнительный источник языковой свободы, имеет смысл подходить осторожно. Нужно учитывать то обстоятельство, что «олбанизмы» употребляются не только в Сети, но и за её пределами, в частности, они использовались в политической коммуникации: «23 февраля активисты московского отделения СПС пришли к зданию Главного военного комиссариата с плакатами „Иванов, превед!“ и „Ф аццтафку, аццкий сотона!“; создав между делом слово „аццтафка“ и отрицательную коннотацию у в целом шуточного и позитивного „преведа“. Это стало, пожалуй, первым случаем, когда интернет-сленг столь оперативно покинул пределы виртуального пространства и стал использоваться в реальной жизни...»²².

Единицы этого антиязыка, регламентируемого антинормой, встречаются в СМИ (прежде всего в молодёжных изданиях) и в художественной литературе (например, в романе В. Пелевина «Шлем ужаса»). Доступ к целевой аудитории открывает использование «языка падонкафф» в рекламных сообщениях, где жаргонизмы могут изменять свой орфографический облик, но сохранять своё специфическое «олбанское» значение. Так, в рекламе «Эльдорадо» (рис. 2) прилагательное *зачётные* выражает положительную оценку, что характерно для «языка падонкафф», хотя написание слова является вполне нормативным (ср. с жаргонным *зачот*).

Рис. 2. «Олбанизм» в рекламном тексте

Экспансия «языка падонкафф», по нашему мнению, свидетельствует о том, что энергетический потенциал данной разновидности субстандarta ещё не исчерпан, однако, несмотря на это, совершенно очевидно, что подобные образования никогда не войдут в нормативное лингвистическое поле, поскольку этому препятствует их исключительно игровая природа.

¹ Кудинова Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2011. 44 с.

² Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30–90-е годы XIX века). М.; Л.: Наука, 1965. С. 24.

³ Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (дата обращения: 12.03.2012).

⁴ Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/koester-93.htm> (дата обращения: 12.03.2012).

⁵ Кудинова Т.А. Указ. соч. С. 21.

⁶ Евграфова Е. Евросеть – цены просто ох...ть | Интервью с Е. Чичваркиным. URL: <http://housea.ru/index.php/domesticradio/53008> (дата обращения: 12.03.2012).

⁷ Чичваркин, Евгений. URL: <http://lenta.ru/lib/14188567/> (дата обращения: 12.03.2012).

⁸ Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак: Языки славянских культур, 2008. 232 с.

⁹ В источнике обценные слова употреблены в их первоначальной полноте. Мы позволили себе внести изменения в исходный текст, учитывая этические установки нашей целевой аудитории.

¹⁰ Два слова о студии Артемия Лебедева. URL: <http://www.artlebedev.ru/studio/> (дата обращения: 12.03.2012).

¹¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. 686 с.

¹² Полозова С.В. Общий жаргон в русском языке: функционально-стилистическая и семантико-тематическая характеристика // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–13 сент. 2007 г. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. С. 600–606.

¹³ Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.

¹⁴ Крысин Л.П. Социолингвистический аспект изучения речевых неправильностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 29–36.

¹⁵ Словарь языка подонков. URL: <http://golovi.mybb.ru/viewtopic.php?id=53> (дата обращения: 12.03.2012).

¹⁶ Жаргон падонков. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%C6%E0%F0%E3%E3%E3%EE%ED%EF%E0%E4%EE%ED%EA%EE%E2> (дата обращения: 12.03.2012).

¹⁷ Словарь языка подонков. URL: <http://golovi.mybb.ru/viewtopic.php?id=53> (дата обращения: 12.03.2012).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Распопова Т.А. Языковая игра в некодифицированных социолектах // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: в 3 ч. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2008. Ч. 3. С. 186–189.

²¹ Кронгауз М. Указ. соч. С. 133.

²² Белкин И., Амзин А. Полный превед. URL: <http://lenta.ru/articles/2006/02/28/preved/> (дата обращения: 12.03.2012).

Поступила в редакцию 12 марта 2012 г.